

М.М. РЕШЕТНИКОВ

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
В ДВУХ ТОМАХ

том II

СОВРЕМЕННАЯ
ПСИХОПАТОЛОГИЯ

2. MODERN PSYCHOPATHOLOGY

Михаил Михайлович Решетников
Избранные статьи в
двух томах. Том II.
Современная психопатология

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67365182

*Избранные статьи в двух томах. Том II. Современная
психопатология. / Решетников М.М.: Скифия; Скифия; 2020
ISBN 978-5-00025-212-3*

Аннотация

Во второй том избранных работ доктора психологических наук, профессора М.М. Решетникова вошли статьи и доклады, объединенные в тему «Современная психопатология». Материал отобран по актуальности проблем для психологии, психотерапии и психиатрии нашего времени.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

I. Современная психопатология	6
1. Попытка осмысления духовного измерения зла	6
2. Танатологические тенденции в человеческом поведении и культуре	26
3. Манипуляции сознанием через сферу бессознательного	41
4. Феномен агрессивности в психологии, психиатрии и в социуме	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Михаил Решетников
Избранные статьи в двух
томах. Том II. Современная
психопатология

© Решетников М., текст, 2020

© Издательство «Скифия», 2020

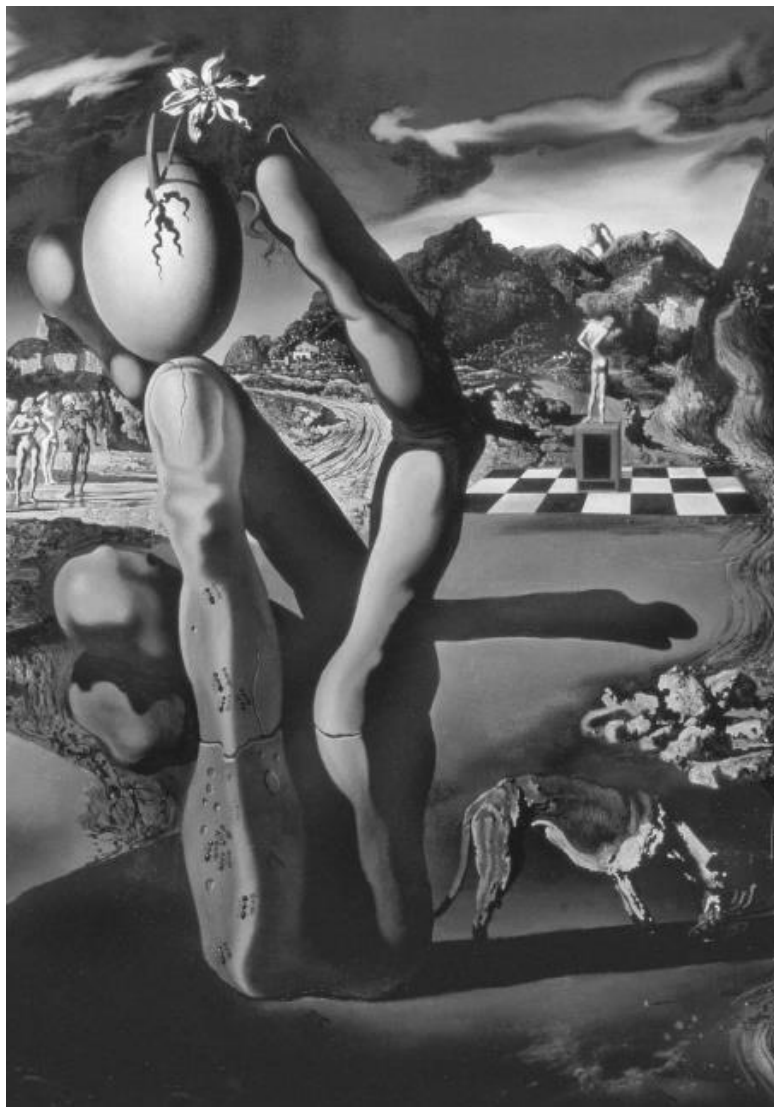
© Оформление. ООО «ИТД "Скифия"», 2020

I. Современная психопатология

1. Попытка осмысления духовного измерения зла

Его становится все больше, и без него не проходит ни дня нашей жизни. Поэтому чрезвычайно важно попытаться понять, в чем его истоки и что же это такое – зло, причиненное нам кем-то другим или испытываемое нами самими по отношению к кому-то, чаще всего – столь же любимому, как и ненавистному. Каковы истоки и проявления зла в нашей жизни?

3. Фрейд еще в 1913 году в работе «Тотем и табу» отмечал, что у каждого человека присутствует, всегда отчасти бессознательное, скрытое, но одновременно страстное желание нарушить нравственные запреты, табу. Однако страх осуждения социумом не дает реализоваться этому желанию. Фрейд характеризовал это как «неудобство культуры».

По Фрейду, каждый конкретный человек является врагом культуры, так как хотел бы, чтобы именно для него все запреты были отменены, чтобы он мог стать единственным обладателем всех благ, всех доступных богатств, всей высшей власти, женщин или мужчин, званий, наград и т. д. Но в этих неумных стремлениях каждый скорее предчувствует, чем понимает, что и всякий другой имеет такие же желания и, как бы силен он ни был, всегда найдется кто-то более сильный, который в борьбе за реализацию своих влечений захочет поступать с ним столь же «неучтиво».

Джотто. «Поцелуй Иуды», Капелла Скровеньи, 1303–1305

И именно на этой основе, задолго до появления законов, формируется первый общественный договор: «Я не буду делать по отношению к тебе того-то и того, если и ты будешь поступать так же». Все, что выходит за рамки этого договора, уже может интерпретироваться как некие варианты зла, любые проявления которого должны преследоваться – законодательно или морально.

Но это то, как должно быть. А в реальной жизни все чаще

случается иначе, и мы видим, как растет число психических травм от зла, в том числе – массовых, и без надежды их отреагирования. Подчеркну, речь идет не об «отмщении» или наказании за зло. Речь идет о повседневности зла и привычки к нему.

Если понимать упрощенно происхождение совести, то она началась с родовых табу на инцест: на сознательное ограничение сексуальных контактов. Но Фрейд одновременно отмечает, что совесть – это медаль, на обороте которой написано: «Страх осуждения социумом». В итоге каждая личность оказывается зажатой между властно побуждающими к нарушению запретов влечениями и не менее строгими требованиями морали. Таким образом, в нас изначально заложен конфликт между желаниями и их подавлением.

В основе конфликта – наши неумные влечения, но мы сомневаемся, думаем, переживаем, мучаемся, страдаем и стремимся к моральному поведению и признанию. Однако самое главное, что при этом мы сохраняем связь с реальностью (то есть с нравственными эталонами мышления и поведения, принятыми в конкретном обществе). Когда эта связь утрачивается и возникает разрыв с реальностью, мы говорим о психических расстройствах. Но и в первом, и во втором случаях страх осуждения социумом все равно присутствует, даже у таких патологических типов, как Чикатило. Именно этот страх пронизывает и организует все культурное и ментальное пространство каждого. Именно многовековая попытка

избавления от этого постоянно присутствующего страха не в последнюю очередь способствовала либерализации общественной морали, в результате чего многие из культуральных запретов стали не такими уж жесткими.

Эта либерализация в современном российском обществе постепенно все больше сближается с «зоологическим индивидуализмом», хорошо известным специалистам в области поведения животных, когда право первенства на добычу, лежбище или на самок во всех случаях принадлежит самому сильному. Обуздание этого права, как уже было сказано, достигается в человеческом обществе только культуральным запретом. Но запрет всегда односторонен, он не отменяет желание, а лишь налагает обязанность соблюдать установленные правила (и то лишь до тех пор, пока существует неустанный контроль со стороны общества). Таким образом, именно бескомпромиссный общественный контроль является залогом культуры, а не досужие рассуждения о том, что «кроме нравственной поруки другой нет». Как бы ни цинично это звучало, нравственность – это вовсе не присущее каждой отдельной личности качество, а скорее внешняя категория или во всяком случае диктуемая извне.

Возможно, я кого-то огорчу, но психоаналитическая практика постоянно свидетельствует, что человек по своей природе отнюдь не добр, не честен и не морален. Он вовсе не имеет спонтанной любви к труду, самовлюблен (нарциссичен), гиперсексуален, склонен стремиться к удовольствию

и избегать неудовольствия, хотел бы удовлетворять все свои желания и влечения, включая безнравственные и патологические. И это приводит нас к чрезвычайно важному выводу: мы становимся людьми в высоком смысле этого слова не столько благодаря, сколько вопреки своей природе, преодолевая в себе злое и аморальное начало и налагая на себе нравственные ограничения; и это возвышает человека намного больше, чем паранаучный тезис о его природной моральности.

Маринус ван Реймерсвале. «Сборщики податей», 1490–

Зло в его природном варианте – обращаться еще раз к зоологии: например, при пожирании чужих детенышей львами, исходно примитивно и отвратительно, но оно не может интерпретироваться в категориях морали или нравственности и для нас с вами никакой опасности не представляет. Зло в человеческом сообществе приобретает качественно иные характеристики, а его главная опасность состоит в том, что оно утрачивает природный примитивизм и всегда маскируется под что-то иное, например под некий особый моралитет или особую «утонченность» взглядов, под убежденность в своей непоколебимой правоте или в своем особом праве, включая фанатическую приверженность тем или иным установкам или идеям. Если кто-то абсолютно убежден в своей правоте, это уже должно настораживать.

Если исходить из этого тезиса и принять его, тогда одной из человеческих форм противодействия и противостояния злу становится сомнение, то есть общество, облагороженное знанием, наукой и культурой. Иными словами – то, к чему призывало Просвещение. Чем больше знаний, чем выше уровень культуры и, соответственно, чем больше сомнений в непреложности тех или иных истин, тем меньше места для зла. Но эпоха Просвещения давно закончилась, и ее идеи и эталоны также постепенно уходят в прошлое. По сути осталась только образованность, которая, лишившись ее

нравственной составляющей, приобретает все более убогие и даже уродливые формы.

Хендрик Гольциус. «Грехопадение», 1616

История последнего столетия предлагает нам качественно новые виды зла. Зло постепенно эстетизируется и маскируется под нечто высокое, даже с оттенком чего-то по-особому высоконравственного и могучего, судьбоносного, исторически необходимого для становления той или иной культуры или даже для целых народов.

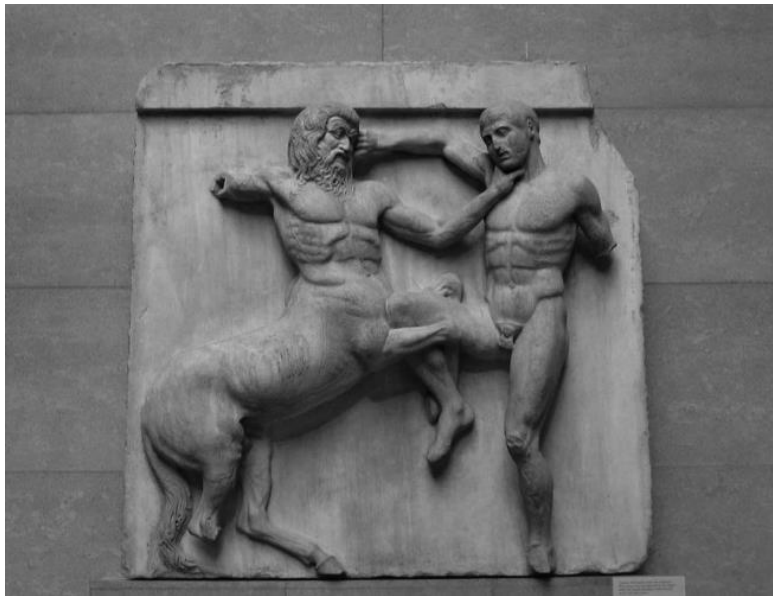
Вспомним историю фашизма и небольшой фрагмент из фильма «Кабаре» с юношами из гитлерюгенда с непорочными лицами и ангельскими голосами, страстно, почти как в реквиеме Моцарта, исполняющими: «Германия – превыше всего». Если из фашизма изъять его – вне сомнения выдающуюся – эстетику, то останутся только газовые камеры и миллионы трупов. Какая уж там эстетика! Но эстетика, безусловно, была, и к ней были причастны отнюдь не последние умы Германии. Это напоминание всем нам об ответственности интеллектуалов (применительно к проблеме зла) перед культурой, обществом и историей.

Казалось бы, все это в далеком прошлом. Но давайте посмотрим, как на протяжении XX века осуществлялась эстетизация преступного мира. В частности, например, криминальным фольклором, который в России (с момента снятия всех моральных ограничений) самозабвенно тиражируется всем артистическим бомондом, по неясным причинам претендующим на роль культурной элиты. Хотя это пример «самой низкой пробы». Давайте вспомним такой шедевр мирового киноискусства, как «Крестный отец». Один из выводов, который мне хотелось бы сделать по первой части этих тезисов, состоит в следующем: именно эстетизация зла делает его опасным.

Мы все переживаем непростой период, главной составляющей которого, по моим представлениям, является не экономический, а мировоззренческий кризис. Деньги – это, в

конечном счете, такая же отвлеченная категория, как совесть или мораль. В природе не существует никаких денег, они присутствуют только в нашем сознании, в наших представлениях и в наших договорных отношениях. Более того, позволю себе предположить, что существуют особые отношения между такими отвлеченными категориями, как деньги и мораль: чем ниже уровень государственной и общественной морали, тем больше власть денег. Не хочу сказать, что все мировое зло сосредоточено в деньгах. И тем не менее.

Христианство, наряду с чередой божественных чудес, не в последнюю очередь начинается с попыток Христа удаления денег из храма, а если мыслить более широко – с попыток отделить сакральное от мирского. Хотя это общеизвестно, хотелось бы обратить внимание, что затем этот протест завершается предательством, цена которого всего-то 30 серебряников. И в этом, независимо от того, считать ли Библию божественным откровением или плодом человеческой мудрости, есть особое предупреждение: сакральное весьма уязвимо, а сила денег явно недооценивается. Хотя они, безусловно, не всемогущи.

Фидий. «Битва лапифов с кентаврами», 447–432 гг. до н. э.

Тем не менее уничтожение присутствующего в деньгах злого начала многократно обыгрывалось в философских изысканиях и социальных утопиях. Мы, постсоветские, хорошо помним наши иллюзии и несбыточные мечты о «светлом будущем», где всем будет обеспечен беспредельный доступ ко всем благам – по потребностям, включая «обобществление жен», и вообще не будет денег. В этой социальной утопии, впрочем, как и в нынешнее время, совер-

шенно не учитывалось, что у всех людей, наряду с высокими, имеются низменно-паразитические потребности, которые требуют своей реализации. К сожалению, в вопросе о запретах и ограничениях на всех уровнях, включая государственный, преобладают ложно понятые гуманистические и все более либеральные подходы. Именно безграничная и бездумная либерализация государственной и общественной морали привела к всемирному росту таких явлений, как коррупция, взяточничество, алкоголизм, наркомания, преступность, проституция и порнография, которые постепенно стали обыденными факторами повседневной жизни.

Нормально ли это? Так и должно быть? Именно такой итог планировался в качестве последовательного развития идей Просвещения и демократии? Вряд ли. Эта либерализация морали, казалось бы, проникнутая неким особым гуманизмом, на самом деле оказалась самым безумным предприятием последнего столетия.

Утрата смыслов, тотальный плюрализм и извращенный мировоззренческий релятивизм (то есть признание относительности и условности всякого знания и всякой морали) в сочетании с постоянно расширяющейся доступностью для реализации всяческих пороков создают у современного человека ощущение вездесущности зла. Как мне представляется, мы живем в некий переходный период, на пороге «сверхнового» времени, которое требует таких же идей, но последних как раз и не обнаруживается. Нет духовных ли-

деров новой эпохи. Тем не менее безусловно одно: отсутствие каких-либо понятных и общих для Человечества морально-нравственных парадигм и подмена высокого понятия «культура» далеко не равноценным термином «технический прогресс» постепенно приобретают все более катастрофический характер.

Категорию зла чрезвычайно трудно концептуализировать. При попытках обобщенно характеризовать зло, тут же ощущаешь, что в нем есть нечто ускользающее, незавершенное, непостижимое и одновременно привлекательное, что в чем-то очень напоминает отношение ко всему таинственному, непознаваемому или, например, к загадке человеческой сексуальности в целом.

Древние греки еще не выделяют зло в качестве самостоятельной структуры. Оно, как и добро, проистекает от богов. Хотя некоторые сущности зла уже присутствуют. Ибо в греческой мифологии Бог есть добро, и материя как творение Бога есть добро. Но не вся материя равномерно пронизана или проникалась благостью Бога. По Гераклиту, если исчезнет зло, то не будет и добра. Мне кажется, что более точным было бы сказать: «Если исчезнут ясные представления, что есть зло, то таким же неопределенным станет и добро» – то, что мы сейчас наблюдаем в современной культуре.

Это далеко не праздный вопрос, особенно для нас с вами. Легализация зла и либерализация отношения к нему неизбежно будут иметь последствия. Традиционное понятие нор-

мы может вообще исчезнуть.

Точнее, патология станет одной из разновидностей нормы.

Еще более красноречиво другое выражение Гераклита: «Трудно бороться с сердцем. Ибо каждое из своих желаний оно покупает ценой души». Противопоставление духовного и телесного уйдет из научной полемики еще не скоро. Но именно этот уход через столетия ознаменует почти всеобщую (но вряд ли окончательную) победу идеологии общества потребления и удовлетворения телесных потребностей.

Когда Ницше (1844–1900) констатировал, что «Бог умер», это не было просто красивой фразой. Эта констатация, как мне представляется, была одной из самых ярких вспышек мироощущения наступающей новой эпохи. Эпохи, когда высокая философская идея постижения мира начала постепенно вытесняться низменным желанием подчинения этого мира нашим телесным потребностям. И, как свидетельствует опыт, мир явно преуспел в этом направлении.

Обратимся к современной рекламе: кто диктует современные социальные образцы и эталоны? Авторы отдающих наследственным дебилизмом шоу, где заранее вмонтированы «перебивки» со смехом и аплодисментами аудитории; продавцы коттеджей, тысячекратно превосходящих потребности уже не в необходимом, а во всех возможных излишествах; создатели теплых полов и «интеллектуальных» матрасов, разработчики силиконовых грудей и удлинителей фаллосов, изобретатели гламурного белья, дезодорантов, памперсов и сверхпрочных презервативов, творцы оргазмически фонтанирующей пивной пены и сотен сортов более крепких «антидепрессантов». Все для тела! Для ненасытного и предельно оглуленного. На миллиарды миллиардов.

А где сакральное? В общем-то, все упомянутое выше, — не такой уж большой грех. Да и бог бы с ними. Напомню, что средний россиянин проводит около 1/4 жизни перед

«голубым экраном». Поэтому ничуть не меньше над обществом и его моралью довлеют производители примитивных сериалов и переполненных кровавыми сценами блокбастеров, где сплошь и рядом фигурируют респектабельные уголовники, владельцы публичных домов и массажных салонов, торговцы оружием, наркотиками и живым товаром, продажные стражи порядка и такие же законодатели, где с высочайшей достоверностью прописано, как можно разбогатеть, не прилагая никаких усилий – разве что, совершив немного усилий над собственной совестью и моралью. И этим (или, точнее, из-под всего этого) кормятся всевозможные рекламные агентства, которые с паранойяльной навязчивостью пропагандируют именно то, без чего вполне можно обойтись, и именно то, что чрезвычайно трудно классифицировать как добро.

После того, как «Бог умер», было бы уместно предположить, что умер и Сатана. Однако столь же допустимым является тезис о том, что именно он и стал теперь Богом. Во всяком случае, количество праведных христиан убывает, а число сатанистов всех мастей растет. И это также пока остается за пределами сколько-нибудь серьезного социального и философского анализа. Почему?

Еще раз вернусь к эстетизации зла в кинематографе, который всегда апеллирует более к чувствам, чем к разуму, и поэтому его «эталоны» воспринимаются без критики, прежде всего молодежной аудиторией. Это особенно опасно еще и

потому, что основные ценности, которые искренне исповедует лучшая часть общества, далеко не очевидны, более того – нередко они взаимоисключающи. Возьмем хотя бы тезис о «свободе и равенстве»: мы, постсоветские, быстро убедились: если есть свобода, – нет равенства; если есть равенство, – нет свободы. То же самое можно сказать и о таких острых проблемах современности, как межнациональная толерантность и национальная идентичность. И тогда снова встанет уже многократно поднимавшийся вопрос о мере свободы и насилия допустимого в обществе социального и материального неравенства.

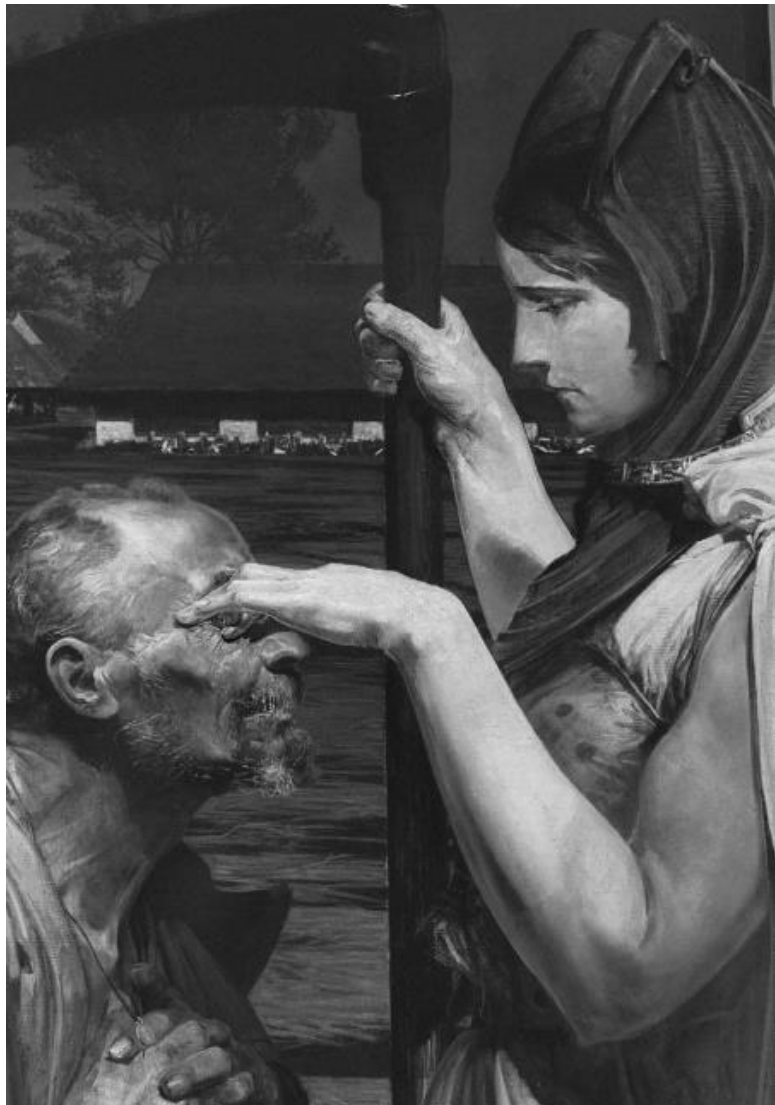
Так мы подходим к ситуации, когда в обществе уже почти нет морали. Есть только закон. А закон – это одна из форм оправдания и насилия, и зла. Мы все не раз сталкивались с ситуацией, когда по правде и по справедливости должно было бы быть вроде бы так, но закон диктует совсем другое решение. Как ни странно, законов, в том числе регламентирующих повседневность, все больше, но все сильнее ощущение, что мы живем в обществе беззакония. Тем более что все законы, как и все дверные замки, существуют только для честных и моральных граждан. Мной неоднократно предлагалось законодательно разделить все товары и услуги на общественно значимые и общественно пагубные, а также при написании законов исходить из уже упомянутого выше тезиса о том, что и у человека, и у общества в целом, кроме высоких, всегда имеются низменные и паразитические потреб-

ности, которые ни при каких условиях не должны удовлетворяться. В ответ – тишина.

Пока же, без паники, но не без оттенка страха за наше общее будущее, можно констатировать: оказывается, для того, чтобы детей не насиловали в собственной семье и не убивали в родительском воспитательном порыве, чтобы им не продавали алкоголь и наркотики, чтобы они не бродили по ночам, как беспризорники – при живых и вполне благополучных родителях, чтобы им не предлагали развращающее их порно 24 часа в сутки по Интернету и ТВ, нужен закон. И только закон. А это значит, что моральная регуляция почти утрачена. Хочется сказать даже более жестко: мы явно присутствуем при тотальной дегуманизации европейского общества (это не только российская проблема).

Фактически речь идет об устранении этических начал из социальной жизни в целом. Нас долго убеждали и почти убедили, что и высокая мораль, и ее низменные стороны имеют равное право на существование. Мы почти смирились с этим, но если так пойдет и дальше, добром дело не кончится.

2. Танатологические тенденции в человеческом поведении и культуре

Известный австрийский психоаналитик, один из первых последователей З. Фрейда – Вильгельм Штекель (1868–1940) пока не слишком известен российским специалистам, хотя его работы и исследования по многим проблемам носили пионерский и даже революционный характер. В частности, именно он обосновал, что мастурбация является естественной стадией формирования взрослой сексуальности, ввел понятие латентной гомосексуальности, исследовал фригидность и, развивая идеи Фрейда об инверсиях, ввел представления о том, что у каждого человека имеются свои, адекватные только ему, нюансы сексуального удовлетворения. Ему же принадлежит тезис о том, что наряду с любовью ненависть является одним из важнейших социальных чувств. Но чаще всего его имя упоминается в связи с введенным им для обозначения влечения к смерти понятия «Танатос». В последующем этот термин приобрел более широкое содержание и в настоящее время применяется для обобщенной характеристики любых деструктивных, то есть саморазрушительных, тенденций.

Перечень таких саморазрушительных тенденций чрезвычайно велик и постоянно расширяется. К ним обычно относят как преступления и суициды, так и склонность к суицидальным мыслям и суицидальному поведению, включая увлечение экстремальными видами отдыха и спорта, употребление алкоголя и наркотиков, курение, переедание, про-

мискуитет, в том числе выбор деятельности и профессий, связанных с реальной опасностью или угрозой жизни, и т. д.

В последние десятилетия особое распространение приобрело понятие аутоагрессии, под которым понимается любая активность, осознанно или неосознанно направленная на причинение вреда самому себе – физического или, что упоминается реже, психического. Формы причинения себе физического ущерба уже упоминались, но сюда же следовало бы отнести даже такие бытовые ситуации, когда в сердцах мы бьем кулаком по столу, причиняя себе боль, а также характерную для некоторых личностей склонность ввязываться в любую драку, даже не зная, почему и отчего она возникла.

Психическая аутоагрессия также имеет множество форм и индивидуальных вариантов реализации. В частности, к этой группе относятся самоуничтожение, низкая самооценка, самообвинение, фиксация на чувстве вины и т. д.

Все это хорошо известно специалистам, но далеко не всегда привлекает их внимание и воспринимается с должным пониманием как феномены, требующие терапевтического воздействия. Чтобы патологическая составляющая этого феномена стала более понятной, мы вначале должны признать, что человеку, как и любому другому живому существу, во все не должно быть свойственным направлять агрессию на самого себя, так как это противоречит инстинкту самосохранения. Добавлю, что мне не удалось найти каких-либо сведений о наличии аналогичных саморазрушительных тен-

дений у представителей животного сообщества. И тогда мы должны признать, что самодеструкция является исключительно человеческим феноменом, а наше главное отличие от всех других существ – наличие психики и сознания, и, следовательно, именно эти психические структуры ответственны за все проявления аутоагрессии.

В психоанализе направление агрессии на себя (или обращение агрессии на собственную личность) рассматривается как защитный механизм. Чтобы это стало более понятным, проясним суть психоаналитической концепции, которая состоит в том, что самодеструктивное поведение является следствием перенаправления агрессии, исходно направленной на какой-то внешний объект, как правило, столь же любимый, как и ненавистный, или недостижимый для наказания (по объективным или моральным принципам).

Проведенные в начале XX века психоаналитические исследования случаев суицидов студентов венских университетов позволили сформулировать эту идею еще более ярко: «Себя не убивает тот, кто не хочет убить другого». Я думаю, что те, кому приходилось сталкиваться с суицидами и серьезно исследовать их причины, согласятся, что чаще всего в их основе обнаруживается любовный конфликт, в том числе между возлюбленными, детьми и родителями, между начальниками и подчиненными, а в последние десятилетия – между личностью и обществом. Точно по такому же сценарию также развивается интрапсихический кон-

фликт при нарциссическом развитии личности. В частности, имеется в виду конфликт между «тайным идеалом своего Я» (между собой любимым) и реальным положением личности в существующей или складывающейся иерархии тех или иных отношений (то есть тем, как эта личность воспринимается и оценивается окружающими). Наиболее часто такие варианты аутоагрессии встречаются у студентов творческих профессий, и причины этого понятны. Молодые люди, которые на протяжении ранней юности («благодаря» родителям и/или учителям) уверовали в свою исключительность и талантливость (в обычной школьной среде), вдруг оказываются среди таких же, а в ряде случаев – куда более талантливых сокурсников, и эта нарциссическая рана может оказаться непереносимой.

Штекелю также принадлежит идея о синдроме «веры в великую историческую миссию» (иногда именуемого как «комплекс Христа»). Раскрывая сущность этого синдрома, Штекель писал о том, что существует огромное множество людей весьма скромных способностей, которые в глубине души искренне верят, что им предназначена какая-то великая историческая миссия. И этот разрыв между страстно желаемой (в некотором смысле, патологической) потребностью стать исторической личностью и реальной возможностью для таких притязаний может приводить к самым трагическим последствиям. Самый яркий пример – Андрес Брейвик, который в 2011 году расстрелял 68 своих соотечествен-

ников. И нисколько в этом не раскаивается. Об этом знают все. Но далеко не всем известно, что до этого Брейвик составил 1500-страничную декларацию о том, как следует изменить современный мир. Сейчас эта декларация есть в Интернете и переведена почти на все европейские языки, включая русский. А кто бы стал читать этот опус, если бы Брейвик не совершил это ужасное преступление?

Вильгельм Штекель был первым, кто уделял особое внимание так называемым актуальным неврозам и указал на особую роль «актуальных психических конфликтов», один из вариантов которых был мной приведен выше. Здесь уместно сделать еще одно примечание. В психоанализе было обосновано, что механизмы, обуславливающие развитие психических расстройств, присутствуют в психике всех людей, но для их малигнизации (озлокачествления) обязательно требуется тот или иной актуальный конфликт, который должен превышать глубоко индивидуальный у каждого уровень переносимости собственных переживаний.

«Гермес смотрит, как тело Сарпедона уносят Гипноз и Танатос» (Сон и Смерть). Сторона А так называемого «Кратера Евфрония», краснофигурной древнегреческой чаши, выполненной гончаром Евкситием и художником Евфронием приблиз. в 515 г. до н. э.

Когда Штекель ввел понятие Танатоса, он сразу отметил огромное психическое напряжение, которое возникает в каждом случае соприкосновения не только со смертью, но даже с темой смерти. Рутинизация убийств и смерти, которая сформировалась в современном обществе под влиянием кинематографа и ТВ, конечно, наложила отпечаток на эту феноменологию. Но здесь следовало бы посмотреть глубже,

и считаю, что можно с определенной уверенностью предполагать, что сама рутинизация этой темы в самом массовом из искусств является также вариантом психологической защиты, в частности, от тревожности и фрустрации, возникающих от любого соприкосновения с темой смерти.

Штекелю также принадлежат одни из первых описаний символических проявлений стремления к смерти в фантазиях пациентов, а позднее уже Фрейдом было постулировано, что идеи смерти обнаруживаются практически во всех фантазиях, мифах и сказках. Вряд ли требуются какие-то примеры – при внимательном прочтении это легко обнаруживается в любой самой детской сказке.

Весьма интересным является исследование Штекелем латентной гомосексуальности, которая уже в наше время приобрела характер некой общечеловеческой тенденции. В данном случае речь вовсе не идет о количественном росте лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией, гей-парадах или более толерантном отношении общества к этой проблеме. Еще в самом начале XX века Штекель отмечал, что вовсе не прекрасный пол проявляет склонность к новым и все более изощренным эталонам женской красоты. Причина в другом, отмечал он, а глубинная сущность проблемы состоит в том, что генетически заданная «округлость форм» и все прочие атрибуты женственности утрачивают свою сексуальную привлекательность для мужчин. Поэтому женщины вынуждены коротко стричь волосы и постоянно заботиться о том,

чтобы вопреки своей природе, выглядеть тонкими и сухощавыми, похожими, скорее, даже не на нимфеток, а на мальчиков-подростков. Далее Штекель пишет, что женщины вынужденно отказываются даже от того, что на протяжении веков считалось их безусловным достоянием, — от стыдливости. Притом все это интерпретируется в рамках все тех же деструктивных тенденций развития современного социума и культуры, в частности, имеется в виду деструкция отношений между полами.

Сколько бы мы ни мечтали о личном бессмертии, пока существует только один вариант для реализации этого (безусловно, нарциссического) желания: обретение генетического бессмертия в детях. Но и в этом случае мы обнаруживаем неоспоримую правоту тех положений, которые были сформулированы в психоанализе более 100 лет назад. В частности, все большую распространенность приобретают идеи «child-free», то есть отказа от желания и возможности иметь детей лицами фертильного возраста. При обследовании современной германской популяции в некоторых регионах таких женщин и мужчин уже около 40 %. Аналогичное исследование, проведенное в Московской области, выявило сопоставимые результаты — 25 %.

Фрейд, как известно, не очень любил Штекеля, но и он должен был признать, что у человека (а сейчас присутствует множество признаков того, что и у Человечества в целом) имеется явно выраженное стремление к смерти. Иным спо-

собом просто невозможно объяснить феномен агрессивности человека и его неискоренимое стремление к разрушению. Это стремление было не так заметно, пока разрушались традиции и обычаи, исторические памятники, города и страны или представления о добре и прекрасном. Но сейчас, когда уже нельзя не замечать, что нашими общими усилиями мы почти разрушили ту экологическую нишу (под названием Земля), в которой мы только и можем существовать, эта тенденция проявляется со всей очевидностью.

В заключение позволю себе привести достаточно объемную, но чрезвычайно емкую цитату из работы Фрейда:

«С точки зрения консервативной природы первичных влечений было бы большим противоречием, если бы целью жизни было никогда до этого не достигавшееся состояние. Скорее всего, этой целью должно быть старое исходное состояние, из которого живое существо когда-то вышло и к которому оно, идя всеми окольными путями развития, стремится возвратиться. Если мы признаем это как не допускающий исключения факт, что все живое умирает, возвращается в неорганическое... то мы можем лишь сказать, что цель всякой жизни есть смерть».

3. Манипуляции сознанием через сферу бессознательного

Как известно, серьезный научный интерес к казалось бы, сугубо психологической проблеме бессознательного появился лишь в 50-е годы XX века. Но он стимулировал целую серию интереснейших физиологических исследований в области защитного или подпорогового восприятия, преимущественно на Западе. Хотя было бы несправедливым не отметить здесь безусловные приоритеты отечественной науки. Так, еще И.М. Сеченов (1881) признавал, что, помимо явного или осознанного ощущения, могут существовать явления, которые он характеризовал как «ощущения в скрытой форме». Тогда же Н.И. Сусловой (в лаборатории И.М. Сеченова) было установлено, что неосознаваемые раздражители могут вызывать определенные физиологические эффекты.

Однако в последующие годы, как отмечал в свое время А.С. Прангишвили (1978), «скепсис в отношении психоаналитического истолкования проявлений бессознательного переходил постепенно в понижение интереса к самой проблеме». Тем не менее одна из первых отечественных работ по исследованию неосознанной психической деятельности вышла в 1945 г. В ней Л.А. Чистович, работавший в то время в лаборатории Г.В. Гершуни, сделал сообщение о возможности выработки условных рефлексов на неощущаемые звуковые раздражители, интенсивность которых была существенно ниже порога восприятия. В последующем Г.В. Гершуни и его сотрудниками (1955) было убедительно показа-

но, что порог ощущения не является абсолютным пределом реагирования органов чувств (и сознания) на внешние стимулы. А в 1976 году Э.А. Костандовым было выявлено, что биоэлектрические и вегетативные реакции на эмоционально значимые для личности стимулы формируются при более низкой интенсивности воздействия раздражителя, чем требуется для его опознания.

Наиболее значительный экспериментальный опыт по вопросу исследования неосознаваемой психической деятельности был накоплен в зарубежной психологии и медицине. Исследования Диксон, а затем Брауна и Крагх позволили сделать заключение, что во многих случаях особенности сознательного восприятия могут формироваться подпороговыми воздействиями, которые оказывают влияние как на оценку воспринимаемых объектов, так и на суждение о содержательной характеристике явлений. Эти данные затем создали предпосылки для появления концепции «защитного восприятия», суть которой, по определению Эриксона (1954), состоит в «способности человеческого организма распознавать присутствие возбуждающих стимулов на бессознательном (не выражаемом словесно) уровне». Полученные выводы, в свою очередь, стимулировали ряд исследований по влиянию подпороговых стимулов на произвольные реакции и сознательное поведение человека. В связи с этим Л. Бейкер позднее ввел понятие «истинных психологических порогов», которые находятся ниже (физиологических) порогов восприятия, а позднее Дж. Г. Миллер установил, что распознавание без осознания является функцией тренируемой. Эти опыты были чрезвычайно просты и осуществлялись преимущественно с помощью тахистоскопов, когда испытуемым предъявлялись стимулы (преимущественного

зрительные образы) различного эмоционального содержания в течение интервалов, исключающих возможность их опознания. Параллельно осуществлялась запись некоторых физиологических показателей и фиксировались результаты наблюдения и самонаблюдения. Особенно впечатляющими были различия реакций на неосознаваемые стимулы, символизирующие такие противоположенные понятия, как «счастье» и «смерть», а также образы, апеллирующие к сексуальной сфере испытуемых.

В 70-е годы XX века в результате исследований влияния подпороговых стимулов на произвольные реакции человека были получены чрезвычайно интересные данные, тут же нашедшие применение в психологии рекламы. В частности, было установлено:

1) подпороговая стимуляция активизирует соответствующие данному воздействию ассоциации (самыми конкурентными среди которых являются пищевые и сексуальные – и мы легко находим подтверждение этому в современной рекламе, где апелляция именно к этим сферам естественных потребностей легко обнаруживается в рекламе пива, зубной пасты, автомобилей и т. д.);

2) эффективность подпорогового стимула проявляется лучше в состоянии пассивного расслабления воспринимающего;

3) наиболее доступным (и «уязвимым») для подпороговой стимуляции является зрительный анализатор;

4) подпороговые стимулы лучше реализуются, если они обращены к витальным потребностям личности (этот вывод отчасти дублирует и одновременно расширяет п. 1).

Подчеркнем еще раз: поскольку перечень общих для всех людей витальных потребностей не велик, а наиболее конкурентоспособными обоснованно считаются сексуально окра-

шенные стимулы, а также связанные с оральными наслаждениями, основная часть рекламы прямо или косвенно апеллирует именно к этим сферам и реализуется электронными СМИ преимущественно в прайм-тайм (с 18 до 21 часов), когда зрители пребывают в состоянии пассивного расслабления, нередко сочетая его с приемом пищи. Совмещение ситуации поглощения последней с поглощением информации является дополнительным («катализирующим») фактором.

В современной психофизиологии принято считать, что подпороговый стимул (особенно при многократном его повторении) формирует своего рода физиологическую «гипотезу», в результате чего повышается вегетативная активность, которая сохраняется до тех пор, пока эта гипотеза не будет «подтверждена» или «опровергнута» (реализована в действии). Но даже

в случае, если это не приводит к конкретному действию, подпороговый стимул может навязывать ориентировочную классификацию или идентификацию стимулов и, соответственно, формирование мотивационных установок и оценочных суждений (по принципу «хороший – плохой»).

В этот же период было высказано предположение, что подпороговая стимуляция может оказывать определенное влияние на поведенческие реакции человека «в обход» сознательного контроля, вызывая в некоторых случаях эффект императивного подсознательного внушения, и, являясь для сознания индивида в этом случае в известной степени сти-

мулом «изнутри», не встречает внутреннего сопротивления, т. к. субъект связывает совершаемые действия со своими внутренними побуждениями и никак (сознательно или критически) не относит их на счет чисто внешних воздействий. И хотя эти положения многократно оспаривались, тем не менее они также активно используются в современном рекламном бизнесе.

В дальнейших исследованиях О. Петцлем было выявлено, что надпороговые стимулы – и это самое важное: находящиеся вне фокуса внимания – действуют так же, как и подпороговые.

Многочисленные исследования феномена Петцла, который исходил из концепции З. Фрейда, позволили сделать весьма существенные выводы, в частности:

- 1) анализаторы фиксируют и способствуют сохранению в памяти значительно большего объема информации, чем та, которая отражается в сознании;
- 2) повторное предъявление подпорогового стимула приводит к снижению порога восприятия и может вызвать пороговую реакцию, при этом преимущественно невербальную или поведенческую;
- 3) действие подпороговых стимулов, по-видимому, имеет много общего с эффектом постгипнотического внушения и может проявляться через мотивационную сферу.

Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что стимулы, находя-

щиеся вне фокуса сознания, воспринимаемые «боковым зрением» или «боковым слухом», также относятся к подпороговым, а их действие усиливается при многократном предъявлении одних и тех же стимулов.

Я позволю себе чуть-чуть пояснить эту идею ее практическим воплощением: когда мы, сидя перед экранами телевизоров, в очередной (тысячный) раз отворачиваемся от надоевшей «тети Аси с ее порошком», или от мужиков, которые «сидят за кружкой пива и не жужжат», или от надоевших зубов, которые «здесь коренные жители», и временно как бы переключаемся на другие дела, темы разговоров, домашние заботы и т. д., мы создаем самые идеальные условия для вхождения этих надпороговых стимулов в подсознание, фактически в виде императивных подпороговых.

В заключение несколько слов о новых психологических технологиях так называемой репрессивной коммуникации, которая активно используется современными СМИ.

Из многочисленных манипулятивных техник здесь следует упомянуть несколько основных:

1) отсечение от потоков альтернативной информации в целях блокировки критического восприятия и оценки доступной (предъявляемой) информации;

2) специальные методы убеждения некомпетентного слушателя или зрителя не столько в форме рационального или логического построения, сколько в форме массированного интеллектуального и эмоционального воздействия, в со-

вокупности создающих феномен «интеллектуального насилия»;

3) подбор убедительных аргументов, принадлежащих к трудно отрицаемым или не верифицируемым;

4) предложение ситуационно «лежащего на поверхности» решения в условиях дефицита времени для его восприятия без возможности критического осмысления и обдумывания;

5) манипулятивное предложение мнений нескольких специально подобранных экспертов (заведомо представляющих не весь спектр мнений) и целенаправленное (манипулятивное) присоединение аудитории к мнению одного из них;

6) апелляция к базисным потребностям, социальным ожиданиям и примитивным чувствам аудитории (вопреки логике и здравому смыслу);

7) использование других специальных приемов PR-подавления (их сейчас известно более 200), в частности, ориентированных на минимизацию способности к самостоятельной оценке информации и формирование не самостоятельных, а так называемых связанных суждений.

Все вышеизложенное предполагает необходимость разработки механизмов защиты каждой конкретной личности и общества от недоброкачественной информации и от недобросовестной деятельности PR-тех-нологов:

1) среди направления этой работы можно было бы выделить четыре основных: гласный анализ механизмов и прие-

мов подавления и интеллектуального насилия;

2) обучение населения, и особенно неискушенной молодежи, методам противодействия манипуляциям и защиты своего внутреннего мира;

3) законодательные ограничения на реализацию репрессивных коммуникаций; разработка и принятие этического кодекса специалистов в области PR-технологий, предусматривающего запрет на применение манипулятивных техник.

4. Феномен агрессивности в психологии, психиатрии и в социуме

В последние десятилетия особое внимание специалистов и широкой общественности привлекала проблема межличностной и межнациональной толерантности. Однако, как это неоднократно случалось и ранее, официальная постановка вопроса существенно смещала акценты. На самом деле ключевой была и остается проблема роста интолерантности и самых различных проявлений, казалось бы, не мотивированной и логически необъяснимой агрессивности: от ставших почти привычными «разборок» бытового уровня до ужасающих своей жестокостью межнациональных столкновений, массовых расстрелов детей, сослуживцев и вообще незнакомых и ни в чем не повинных людей. Как представляется, эта «необъяснимость» связана с традиционными попытками рационального подхода к психопатологическим феноменам, которые трудно, а порой вообще невозможно интерпретировать, не вторгаясь в сферу иррационального и бессознательного, к которым отечественная психология уже на протяжении десятилетий демонстрирует академически-снисходительное отношение.

Питер Пауль Рубенс. «Избиение невинных», 1609–1610

Следуя принципу историчности, нужно отметить, что в качестве научной проблема человеческой агрессивности впервые была поставлена на I конгрессе психоаналитиков в Зальцбурге 27 апреля 1908 года¹. Несмотря на то, что доклады участников были посвящены самым различным темам, практически в каждом из них звучала тема человеческой агрессии. Зигмунд Фрейд представил доклад под названием

---

¹ Отчет о первом частном психоаналитическом собрании в Зальцбурге 27 апреля 1908 года (текст). / Сост. и реф. Отто Ранк / Пер. с нем. – Ижевск: ERGO, 2011. – 40 с.

«Казуистическое»². В этом докладе Фрейд обращает внимание на «хроническое сосуществование любви и ненависти к одним и тем же персонам». При этом феномены навязчивых идей выводятся автором «с одной стороны из реакции крайне преувеличенной сознательной нежности, а с другой – из садизма, продолжающего действовать в бессознательном как ненависть».

Эрнст Джонс в докладе «Рационализация в повседневной жизни»³, подчеркивая значимость идей Фрейда, в первую очередь выделил идеи неосознаваемых мотивов, а также то, что рациональные объяснения поведения людей обычно чрезвычайно далеки от его действительных причин и не ведут к пониманию их истинных мотивов.

Альфред Адлер в докладе «Влечение к агрессии в жизни и в неврозе» в качестве объяснения агрессии указывает на «влечение к отвоеванию удовлетворения у враждебного внешнего мира» и характеризует страх как одну из фаз влечения к агрессии. Подчеркнем эту идею: «страх как одна из фаз влечения к агрессии». Следует сразу отметить, что до-

---

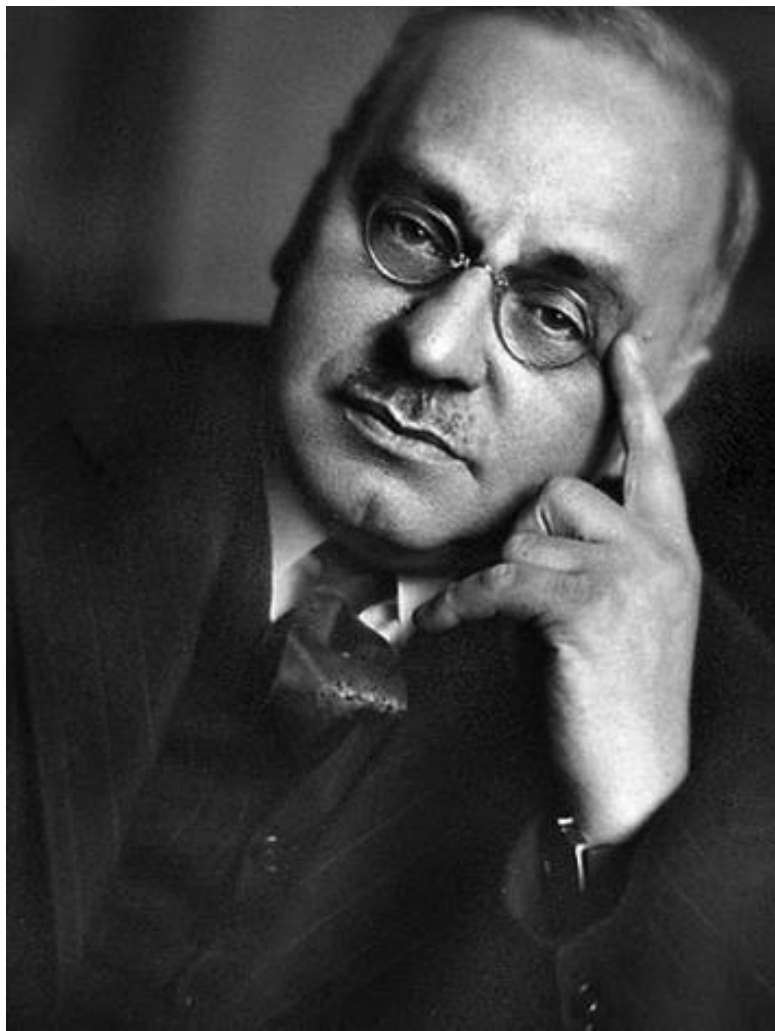
² Через год этот доклад был опубликован под заголовком «Замечания об одном случае невроза навязчивости», сейчас более известный как «Человек-крыса». Фрейд З. Собр. соч. в 26 томах. Т. 4. Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк. / Пер. с нем. С. Панкова. – Санкт-Петербург: Восточноевропейский институт психоанализа, 2007. – 320 с.

³ Джонс Э. Рационализация в повседневной жизни. // В кн.: Отчет о первом частном психоаналитическом собрании в Зальцбурге 27 апреля 1908 года (текст). / Сост. и реф. Отто Ранк / Пер. с нем. – Ижевск: ERGO, 2011. – С. 19.

клад Адлера, хотя и содержит ряд устаревших положений, представляет наиболее существенный интерес и не утратил своей актуальности до настоящего времени. Учитывая, что известность идей Адлера ограничивается преимущественно понятием введенного им «комплекса неполноценности», именно этому автору будет посвящено основное содержание данной публикации.

В своем докладе Адлер, в частности, отмечает, что одним из решающих факторов в жизни любого человека является его отношение к тем задачам, которые он перед собой ставит (или которые жизнь ставит перед ним). Адлер констатирует, что в этом отношении человека к тем или иным задачам всегда есть что-то «наступательное», хотя нужно признать, что это типично далеко не для всех людей и не для всех стоящих перед ними задач. В принципе, реакции на поставленные или встающие перед личностью задачи могут быть и вполне пассивными или даже оборонительными, но Адлер далее уточняет, что он ставит своей задачей изучение именно агрессивного влечения, которое лежит в основе явлений жестокости, властолюбия и садизма. Обратим внимание, что Адлер исходно объединяет в едином перечне жестокость и садизм со стремлением к власти, и множество человеконенавистнических режимов XX века со всей очевидностью подтверждают этот тезис: начиная от гитлеризма и сталинизма и кончая не так давно павшими режимами Чаушеску, Милошевича, Саддама Хусейна и т. д.

В качестве характерной особенности реализации любых влечений человека Адлер указывает на то, что они обязательно претерпевают культурную трансформацию, приобретают определенную утонченность и специализацию. В том числе автором упоминается сублимация агрессивного влечения и возможность его превращения в свою противоположность, например, жадности в щедрость, нежности в садизм, а любви в ненависть. Примеры последнего варианта «превращений» в изобилии проявились на постсоветском пространстве, как только исчез страх (напомним, «страх как первая стадия влечения к агрессии»).

«День Ашура», праздник проводимый в память о смерти имама Хусейна, внука пророка Мухаммеда. Пакистан

Реализация агрессивного влечения, по Адлеру, всегда связана с ориентацией на собственную «высоко ценимую личность», при этом усиление агрессивного влечения происходит тогда, когда честолюбие или тщеславие личности не получают удовлетворения. То есть агрессивность – это свойство личностей, страдающих чрезмерным честолюбием или тщеславием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.